

- послуг гірникам вугільних шахт за результатами скринінгу їх професійних ризиків // Український журнал з проблем медицини праці. – 2011. – №2(26). – С. 46-54.
3. Передерій Г.С., Ластков Д.О., Ветров С.Ф., Партас О.В. Удосконалення порядку оцінки й профілактики впливу умов праці на здоров'я гірників вугільних шахт // Український журнал з проблем медицини праці. – 2011. – №3(27). – С. 9-18.
 4. Передерій Г.С., Ластков Д.О., Партас О.В., Ніколенко О.Ю., Зайка Д.С. Гігієнічне дослідження порядку діагностики професійних захворювань гірників вугільних шахт, рекомендації щодо його удосконалення // Український журнал з проблем медицини праці. – 2012. – №2(30). – С. 14-23.
 5. Пономаренко А.М., Передерій Г.С., Ластков Д.О., Партас О.В., Ласткова Н.Д. Удосконалення порядку проведення медичних оглядів гірників вугільних шахт // Український журнал з проблем медицини праці. – 2012. – №3(31). – С. 31-39.
 6. Інструкція щодо визначення допустимих термінів роботи працюючих у шкідливих умовах (І 3.3.6-135-2006) / МОЗ України. – Київ, 2007 – 31с.
 7. Передерій Г.С., Ластков Д.О., Партас О.В. Методика гігієнічної оцінки професійних маршрутів гірників вугільних шахт // Вестник гигиены и эпидемиологии. – 2013. – Т.17, № 1. – С. 164-171.
 8. Передерий Г.С., Ластков Д.О., Партас О.В. Гигиенические рекомендации по проведению гигиенической оценки профессиональных рисков горнорабочих угольных шахт: гигиенические рекомендации. – Донецк: ДонНМУ, 2015. – 58с.

УДК-575.85+141.319.8+159.9+614.1

В.Е. Папков

КОМОРБИДНОСТЬ РАССТРОЙСТВ АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА И ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАК ПСИХОГИГИЕНИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ (UMWELT) НАВИГАЦИИ

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный медицинский университет им. М. Горького»
Минздрава России, Донецк, Россия

Аннотация

В статье рассматривается феномен коморбидности расстройств аутистического спектра (РАС) и расстройств гендерной идентичности (РГИ) в контексте единой онтологии навигационно-гендерной теории, в рамках которой отождествляются категориальные структуры гендера и навигационных операторов (аллоцентрического и эгоцентрического), как базовых компонентов гендерных личностей человеческих индивидуумов, а также трансперсональной атрибутивной личности (familia, family) как полной распределенной навигационной системы. Подобный подход основан на понимании фактора риска указанных расстройств как модельного в отношении превенции процессов диссоциации и дезинтеграции психики современного человечества, прямо обусловленных влиянием второго демографического перехода (ВДП), вследствие чего и сам ВДП, как фактор деструкции навигационных систем, оценивается автором резко негативно. При этом возникающие риски развития психических и психосоматических расстройств обнаруживаются преимущественно в эколого-семиотической сфере среды (Umwelt), детерминирующей дизонтогенетические процессы новых поколений людей, что собственно и является необходимым и достаточным основанием отнесения всей этой проблематики к области психогигиены. Прагматизм же отождествления гендера (gender) с когнитивным оператором экологической (Umwelt) навигации позволяет отделить корреляцию РАС и мужской гендерной (male gender) личности (как личностной персонификации эгоцентрического навигатора) от биологической категории мужского пола (male sex), что в целом валидизирует ранее сформулированные нами выводы в отношении психогигиенической (семиотической) природы риска РАС, а также позволяет понять суть функциональной латерализации межполушарной асимметрии головного мозга человеческих индивидуумов, как фундированных навигационными процессами.

Ключевые слова: психогигиена, превенция, расстройства аутистического спектра, расстройства гендерной идентичности, гендер, второй демографический переход, автотельность, аллоцентрическая, эгоцентрическая навигация

Введение. В ранее опубликованных работах автору удалось показать, что эпоха второго демографического перехода (ВДП) обусловлена кризисными тенденциями института семьи [1–7], сопровождающихся автотельным (самоподобным) ростом распространенности расстройств аутистического спектра (РАС) [2]. Эти трансформации социальных структур человечества, возникающие при переходе патриархальной многопоколенной семьи выживания в модус постиндустриальной нуклеарной семьи достатка [1–3], формируют такую социальную среду онтогенеза, когда у детей

нарушается воспроизводство механизма перевода семиотических систем языка с их последующей дифференцировкой [1–7]. Дисбаланс и диссоциации коммуникаций ранее традиционных левополушарных отцов и правополушарных матерей [4], в свою очередь, обуславливают семиотический дизонтогенез детей, формируя различные формы РАС [5, 6], вынуждая к рассмотрению проблематики такого рода расстройств в контексте превенции и восстановления [5–7]. Однако, пристрастный взгляд на результаты исследований [1–7] позволяет свести обобщение механизмов лежащих в ос-

нове указанной феноменологии (включая патологическую) к гендерной (gender) природе факторов риска РАС, что в целом повышает валидность ранее сформулированных семиотических закономерностей [1–12]. Фактически речь идет о детерминации РАС семиотической коммуникативной структурой гендерных личностей («gender», «социальных ролей», «социальных масок» маскулинности и феминности), позволяя, с одной стороны, отнести РАС к гендерно обусловленным (в широком смысле) состояниям, а, с другой, рассмотреть их в одном контексте с гендерными расстройствами идентичности (РГИ), помещая под последние (в плане субстанцирования) семиотические методы анализа, применяемые нами ранее в отношении феноменологии РАС [1–12]. Что позволяет рассуждать о семиотических нарушениях личности (дизонтогенезе) у детей, заключающихся, не только о дисфункциях переводной семиотики систем языка, как факторе РАС [1–2], но и об инверсиях профиля доминирования одной из двух семиотических структур (право-, лево- полушарных [1–12]). В то же время, обнаружение дизонтогенетической общности указанных расстройств позволяет подтвердить фундаментальность теоретической концепции, ранее примененной автором в отношении РАС как к более частной проблеме превенции, заключающейся в интерпретации этой дизонтогенетической феноменологии РАС и РГИ в рамках единой теории навигационных операторов [13]. Что предполагает отождествление профиля доминирования (лево- или право- полушарного) функциональной межполушарной асимметрии (ФМА) с типом гендера и с системой доминирования аллоцентрической либо эгоцентрической навигации (см. рисунок 1). А традиционную семью понимать как гендерную полную и распределенную систему аллоцентрической и эгоцентрической навигации (или как трансперсональную атрибутивную личность [14, 15]). В таком навигационном контексте коммуникации, РАС предстает в модуле дизонтогенеза механизмов перевода навигационно-гендерных структур языка [1, 2], а РГИ в модуле дизонтогенеза инвертированных навигационно-гендерных когнитивных операторов. Такая дизонтогенетическая парадигма РАС и РГИ, как процессов, обладающих явной онтологической общностью [16–21], ожидаемо сводится к обнаружению их коморбидной феноменологии. Сопоставление столь, на первый взгляд, различных расстройств, которыми являются РАС и РГИ, позволяет выявить лежащие в их основе семиотические гендер-

но-навигационные механизмы дизонтогенеза как факторы риска РАС и РГИ (а возможно и других подобных расстройств семиотической природы [15]) в целях их превенции. Следует отметить, что такая логика резко противоречит западной тенденции перемещения шифра гендерных расстройств из раздела психических расстройств в МКБ-10 в раздел сексуальных нарушений в МКБ-11 [22]. По сути, в МКБ-11, патологические состояния единой природы РАС и РГИ (гендерных или = навигационных расстройств личности) разведены в принципиально противоположные разделы «биологических» нарушений при РГИ и «психических» при РАС [17], что в целом резко повышает актуальность и значение поднятой в настоящем исследовании темы. В МКБ-10 ранее существовала целая рубрика в разделе психиатрических и поведенческих расстройств, посвященная РГИ (F64), включающая в себя РГИ в детстве, другие РГИ и неуточненное РГИ. Теперь в МКБ-11 данный раздел исключен [22], и РГИ теперь не является патологией [22], диагнозы, имеющие отношение к вариативности РГИ, в МКБ-11 перемещены из раздела психиатрических и поведенческих расстройств в раздел 17 [22] «Состояния, связанные с сексуальным здоровьем», под рубрикой «Гендерное несоответствие». В тоже время раздел РАС находится в разделе главы «Психические, поведенческие расстройства и расстройства нейропсихического развития» [22].

Цель. На основе анализа дизонтогенетического феномена коморбидности РАС и РГИ продемонстрировать понимание сущности гендера как когнитивного оператора навигации, обуславливающего прогрессивную латерализацию профиля ФМА человека, а семиотическую структуру традиционной патриархальной семьи как полную распределенную гендерно-навигационную систему, детерминирующую онтогенез новых поколений.

Материалы и методы. Метод генетической эпистемологии, конструктивистский подход к изучению навигационных процессов и их двух кодового семиотического взаимодействия.

Результаты и обсуждение. Для рассмотрения феноменов коморбидности РАС и РГИ в контексте навигационной теории, необходимо дать очерк общих особенностей ориентации животных и человека в условиях окружающей среды (Umwelt). Сегодняшняя актуальность навигационной проблематики была отчасти задана работами Нобелевских лауреатов 2014 года [23, 24], исследования которых были посвящены функциям алоцентрической навигации гиппокампа и энторинальной коры

[23, 24]. Одновременно с этим проводились исследования по уточнению локализации и функций алоцентрической и эгоцентрической навигаций, и их общее взаимодействие (когерентность) у лабораторных животных и у человека [24–35]. У человека в филогенезе локализация когнитивных операторов формируется иерархически [33], когда в более старых формациях гиппокампа и энторинальной коре локализуется когнитивный оператор алоцентрической навигации, а в новейших формациях лобной и постцентральных участках коры — когнитивный оператор эгоцентрической навигации. Подобную локализацию навигаторов можно обозначить как иерархическую гетерархию, где эти центры навигации являются автономными относительно друг друга, реализуя параллельно свои собственные навигационные задачи, располагаясь при этом на разных иерархических этапах центральной нервной системы. Алоцентрический тип навигации ориентирует в значимых (не безразличных) обстоятельствах (предметах) окружающего мира [13, 23–32, 34–36], а — эгоцентрический ориентирует локомоторное тело животного (человека) относительно ландшафта опорной поверхности его умвелта [13, 33]. У обезьяны, к примеру, спешащей по кронам деревьев к источнику корма, алоцентрический навигатор формирует направление маршрута в направлении источника корма, а эгоцентрический — согласует локомоторные схемы тела с паттерном трехмерного ландшафта опорной поверхности [33]. У человека эта иерархическая схема навигаторов, в чем-то напоминающая схему локомоторных коррекций А.Н. Бернштейна [33], в онтогенезе сменяется на латерализованную гетерархию в парадигме Величковского [34–36], с формированием латерализованной ФМА специфически человеческого типа.

Следует полагать, что функции, локализованные в симметричных латеральных участках полушарий мозга (как, впрочем, и всей остальной нервной системы), как правило, симметричны. Почему же у человека стала возможна столь радикальная латерализация ФМА? Такое необычное распределение функций можно ожидать в случае одностороннего переноса (трансферта) части каких-то других функций из иных, филогенетически более древних отделов мозга. Но для такого переноса, из одной локальной нейросети (нижних морфологических нейронных образований) в другую локальную нейросеть (более современную кору полушарий), необходимо возникновение функционального подобия

филогенетически более молодых (верхних — эгоцентрических) и старых (нижних — алоцентрических) навигационных структур мозга. Кора больших полушарий мозга с ее поздними новейшими ассоциативными полями в передних и задних областях мозга сформировалась у приматов, включая человека в связи со сложными двигательными задачами, возникшими в их локомоторной функциональной сфере в процессе дарвиновского отбора [13]. Поэтому такая функциональная симметрия двух навигационных функций: алоцентрической и эгоцентрической сформировалась в антропогенезе в процессе топологической трансформации эгоцентрического когнитивного оператора навигации, что было обстоятельно изложено ранее [13]. Топология эгоцентрического навигатора подчиняется законам геометрии деформируемого резинового листа. Что же касается когнитивного оператора алоцентрической навигации, то его топологический модус сомнения не вызывает, поскольку его функционирование также подобно экспликации на воображаемом резиновом листе [29, 30]. Таким образом, на основании сходства свойств, на уровне топологии старых и новых иерархически разнесенных нейросетей, можно прийти к заключению, о том, что латеральная асимметрия функций полушарий мозга человека фундирована вертикальным (иерархическим) подобием навигационных систем мозга человека, сформировавшихся в филогенезе [13]. Однако для такой транспозиции в форме латерализации необходим механизм «уплотнения» функций в только одной гемисфере мозга, что предполагает транспозицию симметричных ранее структур в асимметричное одностороннее размещение в гемисфере мозга. Но топологическая модификация навигаторов (в контексте резиновой, деформируемой геометрии) [13, 29, 30] позволяет им осуществить транспозицию с перемещением эгоцентрического навигатора из обоих полушарий в одно левое полушарие, в результате чего эгоцентрический навигатор из двух полушарий «переупаковывается» в одно левое полушарие, покидая правое полушарие для экспансии в него алоцентрического навигатора, оставляющего при этом левые части гиппокампа и энторинальной коры в пользу эгоцентрического навигатора.

В процессе такой прогрессивной латерализации возникает латеральная конкуренция навигаторов, с взаимным торможением из-за конкурентной реципрокности полушарий, по типу бинокулярной конкуренции с эффектом мультитаскинга (переключения). Б.М. Величковский

замечает о функции фронтополярных отделов коры, по его мнению, состоящей не в когнитивных процессах — памяти или интеллекте, а в «мультизадачности, в координации мотивов и в переключении с одного вида деятельности на другой» [35].

С нашей точки зрения именно латерализация в онтогенетическом периоде эгоцентрической речи [37–41] позволяет перевести коммуникативность древнего аллоцентрического навигатора из эмоционально-рефлекторного неосознаваемого модуса в модус осознанности и интенции (селективной направленности на адресата). Феномен эгоцентрической речи [37–41] у детей формируется коммуникативной активностью двух навигационных когнитивных операторов, посредством экстрацеребральной слухо-звуковой модальности: специфичным только для человека эгоцентрическим субъектом локомоторной навигации и общим с остальными животными аллоцентрическим агенсом.

Латеральная транспозиция ФМА создает выраженные эволюционные преимущества, поскольку размещение столь разных филогенетических образований в латерально-симметричных, но когерентно-реципрокно связанных нейросетях гемисфер мозга позволяет обеспечить их интерференционную коммутацию на фоне экстрацеребральной слухо-звуковой коммуникации. Следует отметить, что морфофункциональная взаимная изоляция этих операторов навигации, в предшествующих человеку (*homo sapiens*) периодах филогенеза, помимо всего прочего, отчасти обеспечивалась топографическим модусом эгоцентрического навигатора, когда дистальные стимулы обеих навигаций пространственно практически не пересекались. При трансформации же последнего в топологическом модусе («резинового листа»), возникли проблемы выхода (=«растяжения этого резинового листа») его активности далеко за границы так называемого эгоцентрического пространства (заключенного между поверхностью тела и опорной поверхностью), обусловив тем самым, внешнюю интерференцию до этого изолированных типов навигационной активности, что ярко проиллюстрировано архетипом Трикстера.

Эти процессы дифференциации и интеграции когнитивных операторов навигации происходят в условиях адаптации как к внешней естественной среде (*Umwelt*), так и под влиянием ближайшего социального окружения, которое представлено членами семьи (см. рисунок 1) [41]. Сама же навигационно-гендер-

ная интеграция и дифференциация проходит в модусе эгоцентрической речи — внешней (экстрацеребральной) коммутации — коммуникации когнитивных операторов навигации, собственно под влиянием чего и происходит указанная их латерализация. Однако, существеннейшим следствием экстрацеребральной коммуникации двух навигаторов посредством эгоцентрической речи стала трансформация функциональной локализации мозговых функций, в сторону их латерализации с выраженной ФМА мозга. В силу чего подобное распределение функций не позволяет без потерь реализовать обе навигационные стратегии, поскольку они имеют различную временную организацию: одна из которых имеет сукцессивную временную структуру (аллоцентрическая навигация), вторая — симультанную (эгоцентрическая навигация) (см. рисунок 1).

Что создает неустойчивый баланс в процессе транспозиции типов локализаций навигаторов с иерархической вертикальной [33] на гетерархически-латеральный тип распределения [34, 35]. Межполушарная латерализация навигационных систем далее прогрессирует или с доминированием аллоцентрического агенса, локализуемого преимущественно в правом полушарии головного мозга, или эгоцентрического субъекта, локализуемого преимущественно в левом полушарии, обуславливая последующую семиотическую гендерную дифференциацию. Именно поэтому у индивидуумов формируется преимущественно доминантно-асимметричный тип навигации (гендера): либо аллоцентрический (условно «феминный гендер» — «female gender»), либо преимущественно эгоцентрический (условно «мускулинный гендер» — «male gender»). В результате такой онтогенетической дифференцировки индивидуумов возникает две их субпопуляции с профилями доминирования одного из двух навигаторов — гендеров: правополушарные с аллоцентрическим гендером (ассоциативно обозначаемым социологами как «феминный» — «female gender»), и — левополушарные с эгоцентрическим гендером (обозначаемый как «мускулинный»). Поскольку биологических полов тоже два («male sex» и «female sex»), то общая матрица такого разнообразия формирует как минимум четыре основных типа гендерных личностей: два традиционных и два девиантных (см. рисунок 1). Иначе говоря, когнитивный профиль аллоцентрической навигации (правополушарный профиль ФМА — «female gender») может сформироваться как в сочетании с биологическим

Тип навигации:	Пол биологический:	
	Мужской	Женский
Преимущественно аллоцентрический тип навигации (правополушарное доминирование ФМА)	Девиантный мужской гендер по аллоцентрическому типу, с преобладанием черт «феминности»	Традиционный женский гендер по аллоцентрическому типу, ядерный феминный тип
Преимущественно эгоцентрический тип навигации (левополушарное доминирование ФМА)	Традиционный мужской гендер по эгоцентрическому типу, ядерный мускулинный тип	Девиантный женский гендер по эгоцентрическому типу преобладанием черт «мускулинности»
Недифференцированный тип навигации по иерархическому типу ЦНС (низкие показатели индексов активности ФМА с выраженной параксизмальной активностью ЭЭГ, тип личности близкий к эпилептиформному, выраженная асоциальность)	Трикстер (по Юнгу) (недифференцированный архетипический образ Вакджункага у индейцев виннебаго, который сводится к максимально выраженной дезинтеграции психических и соматических функций, гендерно-половой не дифференцированности, вплоть до резко выраженного трансвестизма и асоциальности, выражающейся в сексуальной распущенности)	
Выраженно дифференцированный по полушарному типу навигации (высокие показатели индексов активности ФМА, ЭЭГ низкоамплитудная, с выраженной десинхронизацией, тип личности с выраженной социализацией, конформизмом)	Преимущественно мужской, ранее был в наибольшей степени выражен у лиц получивших традиционное иудейское (либо другое традиционное в авраамической традиции) воспитание, сегодня наблюдается рост распространенности этого типа и среди женщин	

Рис. 1. Матрица, представляющая собой крайне обобщенное распределение 6 ядерных типов гендера, понимаемого в широком смысле, как сочетания типа навигации (типа доминирования ФМА) и степени его дифференцировки с типом пола индивидуума. Термин «девиантный» в приведенной матрице употреблен в противопоставлении относительно «традиционного» типа сочетания. ФМА — функциональная межполушарная асимметрия. В части научного сообщества, а также в части трансгендерного и ЛГБТ сообществ применяется англоязычный термин «queer» (необычный, эксцентричный, девиантный), а также термин с противоположным значением — «цисгендерный» (гендерная идентичность совпадает с биологическим полом), которые могут быть частично сопоставлены с типологией вариативности гендера в приведенной матричной классификации

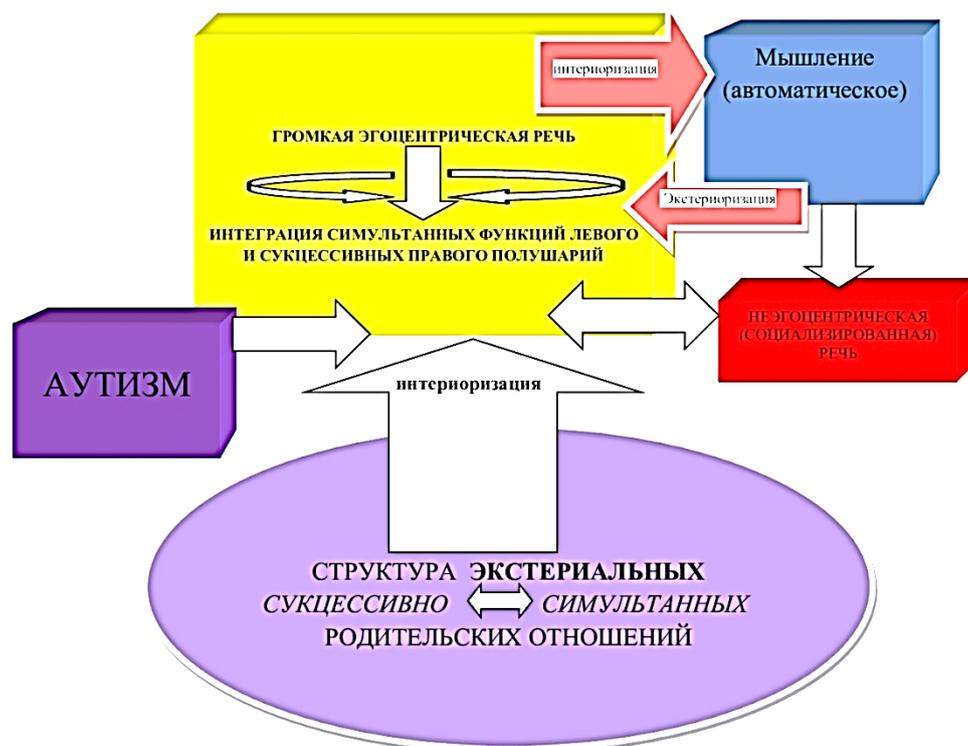

Рис. 2. Обобщенная блок-схема интериоризации структуры отношений в системе трансперсональной атрибутивной личности [41]

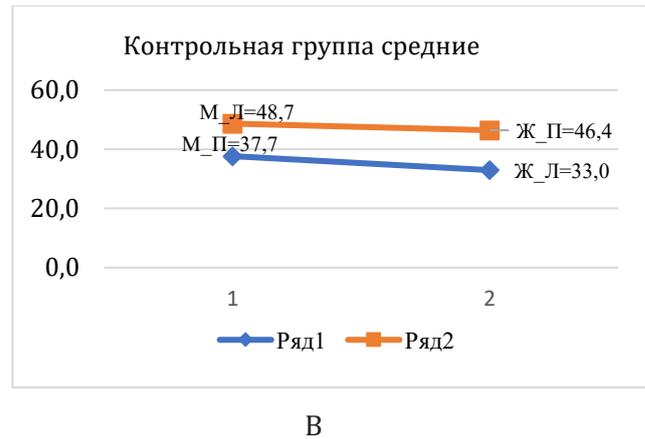
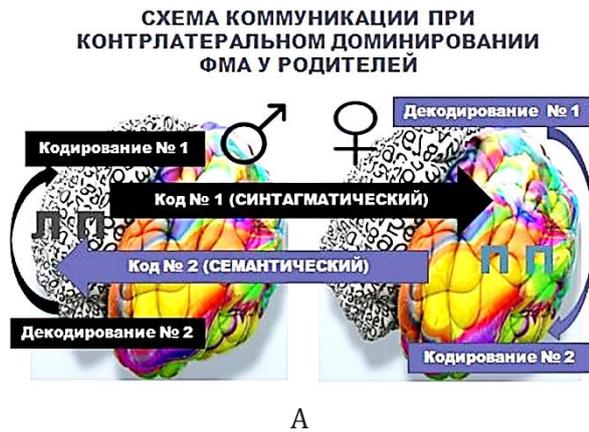

Рис. 3. А. Обобщенная блок схема коммуникативной структуры при наличии у родителей контрлатерального доминирования профилей ФМА (левополушарное доминирование профиля ФМА у отца — мужчины, правополушарное доминирование профиля ФМА у матери — женщины). В. ГИПФМА («групповой интегративный профиль функциональной межполушарной асимметрии») при наличии у родителей контрлатерального доминирования профилей ФМА [5, 6].

мужским полом («male sex») индивидуума так и с женским («female sex»). Также как и эгоцентрический когнитивный профиль навигации («male gender») образует две комбинации с индивидуумами обоих полов («male sex» и «female sex»). Но реально вариативность таких типов гендерных личностей может быть больше за счет недифференцированного типа по иерархическому типу и выражено дифференцированного по полушарному типу (см. рисунок 2).

Индивидуумы, имеющие женский хромосомно-гонадный пол («female sex») возможно адаптивнее сочетаются с аллоцентрическим профилем навигации («female gender»), поскольку прокреативная (лат. procreatio — рождение, произведение на свет, воспроизведение потомства) функция, как правило, связана преимущественно с успешными процессами жизнедеятельности и с навигационным ориентированием в пространстве эмоционально значимых обстоятельств естественной окружающей среды (Umwelt). Индивидуумы, имеющие мужской хромосомно-гонадный пол («male sex») адаптивнее и лучше сочетаются с эгоцентрическим профилем навигации («male gender») из-за специализации к локомоторно-симультаным аспектам естественной окружающей среды (Umwelt).

Два традиционных типа гендерных личностей четыре тысячи лет назад начали формировать гиперболическую кривую демографического взрыва человечества, заложив фундамент культур и цивилизации (Umwelt №2), одновременно лишив себя естественной среды обитания (Umwelt №1). При этом следует отметить факт формирования этими семьями языка, имеющего двухкодую структуру (семантическую и синтагматическую) (см. рисунок 3).

В условиях же достатка и досуга мегаполиса семья, представляющая собой полную распределенную систему аллоцентрической и эгоцентрической навигации, распадается на отдельные атомизирующиеся индивидуумы, теряя эту самую навигационную полноту, формируя нуклеарные семьи досуга и достатка, состоящие из односторонне латерализованных не полных в навигационном плане индивидуумов. Эти брачные союзы мегаполисов формируют однокодовую систему коммуникации: либо семантическую (см. рисунок 4), либо синтактическую (см. рисунок 5).

Что в итоге создает депривационную семиотическую среду как для формирования механизма перевода гендерно-навигационных кодов языка, так и для самой полноценной гендерной дифференцировки, создавая тем самым обширную территорию риска РАС и РГИ, причем последние расстройства приобретают в западном мире мегаполисов столь широкую распространенность, что вынуждает переводить эти расстройства в некую вариативность нормы [16]. Сегодня их отпрыски фактически вновь как четыре тысячи лет назад начали дифференцироваться в матричную четырех (более) навигационно-гендерную систему, и породить различные формы РАС и РГИ. Несовпадение навигационно-гендерной дифференциации с биологическим полом в традиционном нормативном контексте формирует РГИ, когда аллоцентрический тип навигации в традиционных сообществах присущий женщинам становится доминантным у мужчин, с правополушарным доминированием ФМА, а эгоцентрический тип навигации присущий мужчинам становится доминантным у женщин, с левополушарным

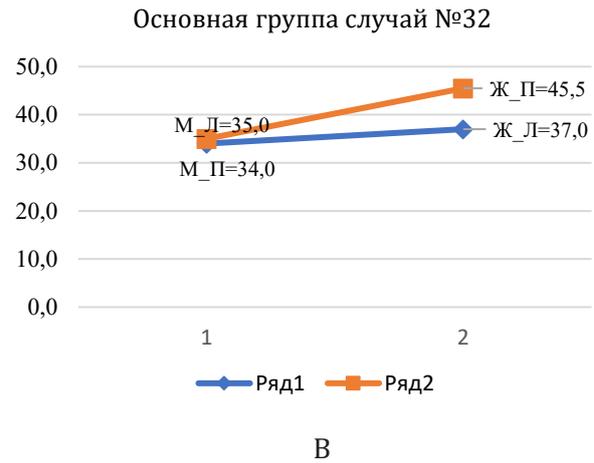

Рис. 4. Обобщенная блок схема коммуникативной структуры при наличии у родителей латерального доминирования профилей ФМА по правополушарному типу (правополушарное доминирование профиля ФМА как у отца — мужчины, так и у матери — женщины). Отсутствует механизма перевода. В. ГИПФМА («групповой интегративный профиль функциональной межполушарной асимметрии») при наличии у родителей латерального доминирования профилей ФМА по правополушарному типу [5, 6]

доминированием ФМА. В результате наших исследований группового интегративного профиля функциональной межполушарной асимметрии (ГИПФМА) [5, 6] была выявлена часть инвертированных профилей (см. рисунок 6), обусловленных инверсией профилей ФМА родителей (правополушарных у отцов и левополушарных у матерей) [5, 6]. При этом повышение уровней феминности у отцов и мускулинности у матерей ни ими самими, ни медицинским персоналом не рассматривался как РГИ, возможно в силу ментальных установок. Дисфорические же явления у детей были отнесены к кругу полиморфной симптоматики РАС, хотя часть из этих симптомов могли бы быть в ином контексте интерпретированы как гендерная дисфория, что для данного региона представляется ментально неприем-

лемым. Когда автор опрашивал медицинский персонал наблюдающих в стационаре этих детей с РАС, а также лиц, входивших в основную группу семей с детьми с РАС о симптоматике РГИ, то, как правило, эти вопросы вызывали недоумение и непонимание. При этом следует отметить, что определенное ядро симптомов может сдвигать баланс поведенческой андрогинии, давая основания утверждать о наличии признаков РГИ у части детей с РАС, но в то же время сама полиморфность РАС вполне позволяет остаться в рамках данного монодиагноза, без привлечения коморбидности РГИ. Интерпретация результатов данных исследований могут также обосновывать возможность трактовки РГИ как маски или эквивалента РАС.

Проблема состоит не в том, что, так или иначе, появляются девиантные типы гендер-

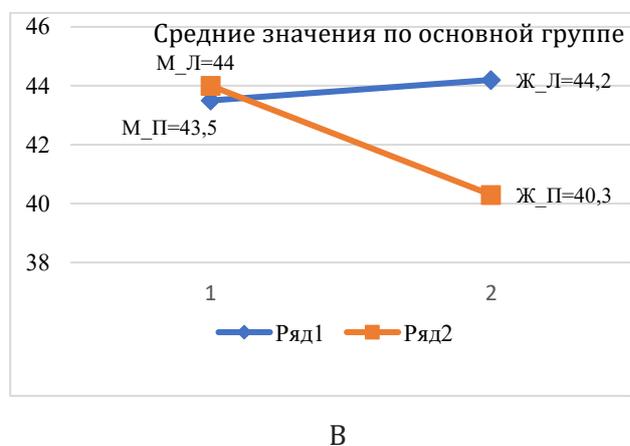

Рис. 5. А. Обобщенная блок схема коммуникативной структуры при наличии у родителей латерального доминирования профилей ФМА по левополушарному типу (левополушарное доминирование профиля ФМА у отца — мужчины, и у матери — женщины). Отсутствует механизма перевода. В. ГИПФМА («групповой интегративный профиль функциональной межполушарной асимметрии») при наличии у родителей латерального доминирования профилей ФМА по левополушарному типу [5, 6]

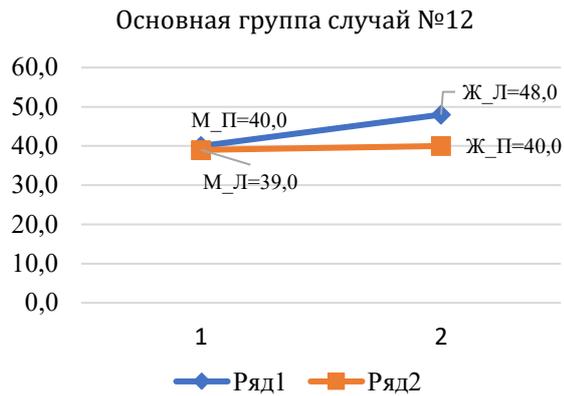

Рис. 6. ГИПФМА («групповой интегративный профиль функциональной межполушарной асимметрии») при наличии у родителей инверсии профилей ФМА [5, 6]. Последний профиль был получен в семье из основной группы обследованных с наличием детей с РАС. Этот профиль хотя и является инвертированным, но он ближе к «левополушарному» ГИПФМА, что, собственно, и характеризует его как «аутистический» с однокодовым типом коммуникации по левополушарному типу. Здесь он приведен в качестве иллюстрации возможной тенденции (гипотетической) инверсии гендерного распределения у родителей профилей ФМА, с формированием семиотической структуры РГИ

ных личностей, они формировались всегда, о чем ясно повествуется в мифе об андрогинах, изложенном с обширными комментариями в «Пире» Платона. Однако поскольку ранее эти типы гендерных личностей, не образующих брачных союзов и не воспроизводящих себя, элиминировались естественным отбором, то они никогда не могли занять значимое место в человеческом сообществе, основанном на патриархальном институте брака. А сам институт патриархального брака в силу его полноты навигации повсеместно воспроизводился в автоматическом режиме в условиях естественного экологического ландшафта. В некотором смысле именно эта институция патриархальной многопоколенной семьи есть онтологическое основание человеческого бытия (как основа системы атрибутивной личности или полной распределенной системы навигации). Теперь же когда большая часть человечества живет в условиях искусственного умwelt (Umwelt №2), возникла проблема невосребованности полной навигационной системы в среде мегаполиса с условиями его найма индивидуумов, предусматривающего замену всей полноты навигации перечнем компетенции нанятого работника с инструкциями служебных функций. Само поддержание жизнеобеспечения этого нанятого индивидуума в рамках его компенсации в виде абстрактных денежных символов на себя также взяла

цивилизация мегаполиса с его навигацией культуры потребления. Такая индивидуализация индивидуумов в условиях современной культуры, резко депривующей все навигационные процессы обоих типов формирует экологическую среду, уничтожающую все бытийно-онтологические основы человека как такового. ВДП является не просто некоторым очередным вызовом человечеству, он представляет собой глобальную катастрофу, поскольку условия, в которых это самое человечество перестает функционировать в плане прокреации (деторождения), обеспечения гендерно-навигационной дифференцировки в онтогенезе. Теперь помимо решения проблемы обеспечения жителей мегаполисов работой, жильем, продуктами питания, услугами здравоохранения необходимо решать весь набор проблем, за которые несла ответственность институция патриархальной семьи, представлявшая еще даже в индустриальный период функцию полного экологического навигатора.

Подытоживая обзор нашей концепции экологической навигации и гендера (см. рисунок 7), можно в отношении РГИ и РАС сделать предсказание об их тесной связи на уровне риска развития, как преимущественно семиотической природы, обусловленной процессами интериоризации-экстериоризации сформулированных в основных положениях культурно-исторической теории Л.С. Выготского [38].

В наших исследованиях имелась часть семей из основной группы, имевших профиль ГИПФМА инвертированного типа, который как бы предполагал сохранение двухкодовой структуры языка, хотя и в форме возможной инверсии (см. рисунок 6) [5, 6]. Детям из этих семей ранее также был поставлен диагноз РАС, что не вызывало сомнений в его соответствии [5, 6]. Дополнительно обследование детей на предмет возможного наличия РГИ не проводилось (такая задача изначально не ставилась, а в процессе исследования от нее отказались по этическим соображениям). Из опросов родителей и медицинского персонала не удалось выявить достоверных и статистически значимых признаков РГИ у этих детей, хотя полиморфизм и сложности дифференцировки диагнозов РГИ и РАС, возможно, могут влиять на предпочтения специалистов видеть в одном случае нарушения коммуникативности, а в других нарушения гендерной природы. В наших регионах традиционализм в большинстве таких случаев может склонять диагностику в сторону РАС, в странах Западной Европы и США в сторону РГИ.

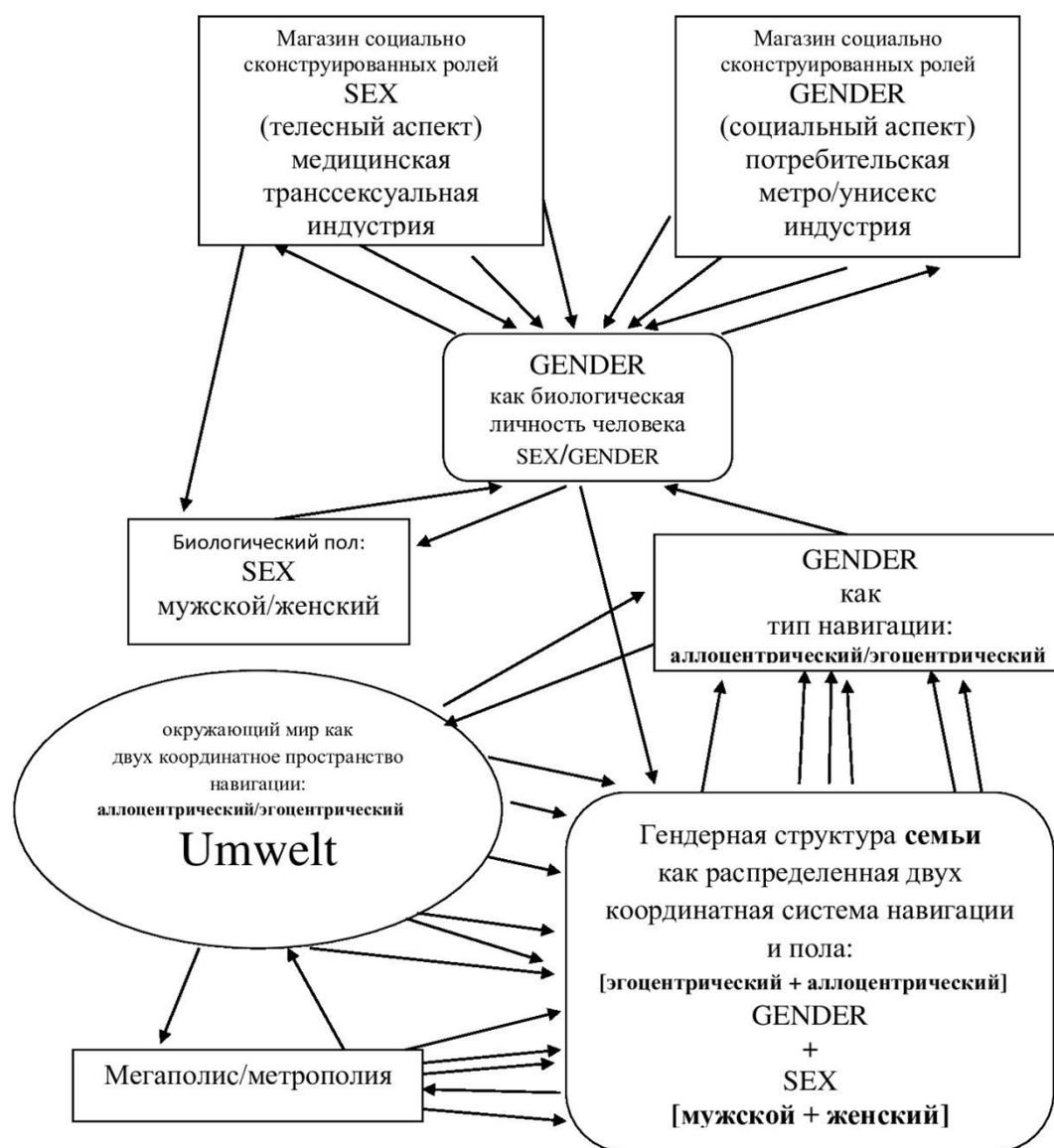

Рис. 7. Схема формирования гендера как биологической личности индивидуума. Эта схема не включает в себя аспект качественности (чувственной субъективности переживаемой индивидуумом). Также данная схема не отражает филогенетический аспект формирования гендера и семьи. Стрелки и их количественное соотношение отражают характер и направленность влияния (взаимовлияния) факторов, а также их «мощность»

В исследованиях, посвященных изучению коморбидности РГИ и РАС, выявляются превышения до десяти раз частоты случаев РАС у детей и подростков — городских жителей Голландии [15], направленных в клинику по вопросам РГИ, относительно частоты выявления РАС в остальной популяции [15]. При этом продемонстрировано сближение РГИ и РАС в отношении выраженного полиморфизма этих расстройств: по полу (наличествует мужской и женский); относительно форм РГИ (РГИ, РГИ неуточнённое, фетишистский трансвестизм); форм РАС (РАС, синдром Аспергера), возраста начала РГИ (до или после полового созревания) и постоянства кросс-полового поведения (прекратившееся или постоянное) [18]. Значи-

мое преобладание лиц мужского пола сближает эпидемиологические картины, как РАС, так и РГИ [15], что в итоге позволяет рассматривать эти состояния в единой онтологии — семиотической парадигме гендерной дифференциации и коммуникации в человеческих сообществах аллоцентрической и эгоцентрической топологической навигации.

Такая близость РАС и РГИ как по своей патопсихологической (семиотической) природе закономерно может вызвать вопрос о том, что не идет ли речь об одной нозологической форме, имеющей сложную клиническую картину? Либо о некоем пограничном состоянии между областью нарушений коммуникации и областью инверсии гендера личности отно-

сительно традиционной социальной нормы, что ко всему прочему также является весьма выраженным расстройством коммуникации. Некоторое разъяснение могли бы дать исследования в отношении возможного наличия либо отсутствия аддитивности. Так в онлайн-исследовании [17] группы, состоящей из 727 индивидуумов — проживающих на территории Англии, с уже установленной коморбидностью РАС и РГИ, было проведено исследование уровня депрессии и тревоги с целью выявления возможного повышения из-за возможной аддитивности этих расстройств [17]. При этом, хотя и было выявлено некоторое статистически достоверное превышение уровня депрессии и тревоги у лиц с коморбидностью РАС и РГИ, относительно других групп с изолированными диагнозами РАС или РГИ, однако никакого сверх аддитивного эффекта не было обнаружено [17]. Что позволяет утверждать о наличии общности психических механизмов в этих состояниях, когда «коморбидность» фактически является пограничной формой между РАС и РГИ, имея такой полиморфизм симптоматики, когда имеются признаки и нарушения коммуникативности и одновременно инвертированность доминирования профилей ФМА. Эвристичность выделения самостоятельной сущности гендера (gender), отдельной от хромосомно-гонадной субстанции «пол» (sex) можно продемонстрировать в случаях выявления у транс-мужчин (лиц, чей пол при рождении был женским, но которые идентифицируют себя как мужчины) значимого преобладания аутистических черт по сравнению с транс-женщинами (лиц, чей пол при рождении, был мужским, но они идентифицируют себя как женщины) [17]. Последнее явно указывает на то, что фактор риска РАС связан с «мужским» гендером (gender как эгоцентрическим навигатором), а не с биологическим хромосомно-гонадным полом (sex) индивидуума, определяя семиотическую природу данного типа расстройств. Именно гендерно-навигационная специализация индивидуума представляет зону риска РАС, а не его хромосомный набор или же гормональный фон.

Выводы. Данный очерк является частью более обширного исследовательского проекта. Тем не менее, выводы из проведенного краткого обзора модели двух координатного топологического пространства навигации позволяют утверждать, что базовым условием бинарных биологических, гендерных, когнитивных и сознательностных структур психики человека и его деятельности есть дуали-

стическая структура навигационной экологии мира. Подобный подход основан на понимании фактора риска РАС и РГИ как модельного в отношении превенции процессов диссоциации и дезинтеграции психики современного человечества, прямо обусловленных деструктивным влиянием ВДП, вследствие чего его роль (ВДП) оценивается в этом отношении резко негативно. Возникающие же риски развития психических и психосоматических расстройств, преимущественно обнаруживаются в эколого-семиотической сфере, детерминирующей онтогенетические процессы новых поколений ВДП, что, собственно, и является необходимым и достаточным основанием отнесения всей этой проблематики к области психогигиены. Прагматизм отождествления гендера (gender) с когнитивным оператором экологической (Umwelt) навигации позволяет отделить корреляцию РАС и мужской гендерной (male gender) личности (как личностной персонификации эгоцентрического навигатора) от биологической категории мужского пола (male sex), что в целом валидизирует ранее сформулированные нами выводы в отношении психогигиенической (семиотической) природы риска РАС, а также позволяет понять суть функциональной латерализации межполушарной асимметрии головного мозга человеческих индивидуумов, как фундаментальных навигационными процессами. Именно такая теоретическая и практическая позиция вносит ясность в такую трудную научную проблему, к которой относится коморбидность РГИ и РАС, что в свою очередь позволяет фундаментально обосновать доктрину превенции (психогигиены) в отношении к столь распространенным расстройствам психики. Что же касается предложенной ВОЗ МКБ-11, то в части РГИ ее следует признать излишне политизированной и не соответствующей научным критериям, что не может, в целом, не осложнить клиническую практику и превенцию в отношении, указанных выше, лиц группы риска.

V.E. Papkov

COMORBIDITY OF AUTISM SPECTRUM DISORDERS AND GENDER IDENTITY AS A PSYCHOHYGIENIC PROBLEM OF ECOLOGICAL (UMWELT) NAVIGATION

Abstract. *The article examines the phenomenon of comorbidity of autism spectrum disorders (ASD) and gender identity (RGI) in the context of a unified phenomenology of navigation-gender theory, in which categorical structures of gender and navigation operators (allocentric and egocentric) are identified as components of gender personalities of human individuals, as well as transpersonal attributive personality (familia, family) as a complete distributed navigation system. Such an approach is based on the understanding of the risk factor of these disorders as a model in relation to the prevention of the*

processes of dissociation and disintegration of the psyche of modern humanity, directly caused by the influence of the second demographic transition (VDP), as a result of which the VDP itself, as a factor of destruction, is evaluated by the author sharply negatively. At the same time, the emerging risks of the development of mental and psychosomatic disorders are found mainly in the ecological-semiotic sphere, which determines the ontogenetic processes of new generations, which is actually a necessary and sufficient reason for attributing all these problems to the field of psychohygiene. The pragmatism of identifying gender with the cognitive operator of ecological (Umwelt) navigation allows us to separate the correlation of RACES and male gender personality (as a personal personification of an egocentric navigator) from the biological category of male sex, which generally validates the conclusions we have previously formulated regarding the psychohygienic (semiotic) nature of risk. RAS, and also allows us to understand the essence of the functional lateralization of the interhemispheric asymmetry of the brain in human individuals, as based on navigation processes.

Keywords: *psychohygiene, prevention, autism spectrum disorders, gender identity disorders, gender, second demographic transition, self-similarity, allocentric, egocentric navigation*

ЛИТЕРАТУРА

1. Папков, В. Е. Принципы профилактики расстройств аутистического спектра в контексте эпидемиологии и демографии / В. Е. Папков // *Детская и подростковая реабилитация.* – 2022. – № 1(46). – С. 57-64. – EDN PSDKDF.
2. Папков, В. Е. К вопросу автомодельности эпидемиологии расстройств аутистического спектра в контексте демографии / В. Е. Папков // *Личностные и ситуационные детерминанты поведения и деятельности человека: Мат. Межд. научно-практической конференции.* – Донецк: ДНУ, 2022. – С. 277-282. – EDN NGHZIA.
3. Папков, В. Е. К вопросу о профилактике расстройств аутистического спектра у детей в контексте парадигмы семьи / В. Е. Папков // *Медико-социальные проблемы семьи.* – 2021. – Т. 26, № 4. – С. 33-43. – EDN СААСJС.
4. Папков, В. Е. Расстройства аутистического спектра (РАС) в контексте межполушарного взаимодействия / В. Е. Папков // *Личностные и ситуационные детерминанты поведения и деятельности человека: Мат. Межд. научно-практ. конф., – Донецк: ДНУ, 2021.* – С. 166-173. – EDN JLGБPP.
5. Кулемзина, Т. В. Скрининг факторов риска расстройств аутистического спектра у детей с позиций психогигиены / Т. В. Кулемзина, В. Е. Папков // *Медико-социальные проблемы семьи.* – 2022. – Т. 27, № 3. – С. 66-73. – EDN IMEEYG.
6. Ластков, Д. О. Психогигиена расстройств аутистического спектра в контексте семиотики / Д. О. Ластков, В. Е. Папков, И. В. Коктышев // *Медико-социальные проблемы семьи.* – 2022. – Т. 27, № 4. – С. 43-52. – EDN AKRFWY.
7. Кулемзина, Т. В. Персонифицированный подход к восстановлению и профилактике расстройств аутистического спектра у детей / Т. В. Кулемзина, В. Е. Папков // *Психолого-педагогическое сопровождение образовательного процесса: проблемы, перспективы, технологии: Мат. IX Межд. научно-практ. конференции: ОГУ им. И.С. Тургенева, 2022.* – С. 216-223. – EDN UQBLCC.
8. Папков, В. Е. Эпидемиологический скрининг риска возникновения расстройств аутистического спектра у детей / В. Е. Папков, Е. М. Фомичева // *Перспективы отраслевого взаимодействия в комплексной реабилитации: Материалы V Международной научно-практической конференции.* – Орёл: ОГУ имени И.С. Тургенева, 2023. – С. 256-263. – EDN YSHWMR.
9. Кулемзина, Т. В. Способ выявления семей групп риска детей с расстройствами аутистического спектра / Т. В. Кулемзина, В. Е. Папков, С. В. Красножон // *Донецкие чтения 2022: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы VII Международной научной конференции.* Том 9. – Донецк: ДНУ, 2022. – С. 277-279. – EDN ILBZIR.
10. Кулемзина, Т. В. Методика исследования группового интегративного профиля функциональной межполушарной асимметрии / Т. В. Кулемзина, В. Е. Папков // *Российская девиантологическая панорама: теория и практика: Материалы международной научно-практической конференции.* – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2022. – С. 180-185. – EDN АВJТDP.
11. Фомичева, Е. М. К вопросу о скрининге и профилактике расстройств аутистического спектра (РАС) у детей / Е. М. Фомичева // *Личностные и ситуационные детерминанты поведения и деятельности человека: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию В.Д. Потаповой.* – Донецк: ДНУ, 2022. – С. 294-298. – EDN QWLEDC.
12. Кулемзина, Т. В. Формирование полноценно функционирующей личности в контексте расстройств аутистического спектра (РАС) / Т. В. Кулемзина, В. Е. Папков // *Проблемы психологического благополучия: Материалы Международной заочной научной конференции / УГПУ. – Екатеринбург-Фергана: [б.и.], 2022.* – С. 25-30. – EDN QRHJZF.
13. Папков, В. Е. Эволюционно-экологические аспекты когнитивного оператора опорно-двигательной системы человека / В. Е. Папков // *Медико-социальные проблемы семьи.* – 2023. – Т. 28, № 1. – С. 78-87.
14. Лосев А. Ф. Античное мышление и культура рабовладельческой формации / в сборнике *Античность как тип культуры / А. Ф. Лосев, Н. А. Чистякова, Т. Ю. Бородай и др. // МОСКВА, «Наука», 1988.* – 336 с. режим доступа: <http://antique-lit.niv.ru/antique-lit/articles/antichnost-kak-tip-kultury/index.htm>
15. Кулемзина, Т. В. Подход к социальной реабилитации в контексте дезинтеграции трансперсональной личности / Т. В. Кулемзина, В. Е. Папков // *Психолого-педагогическое сопровождение образовательного процесса: проблемы, перспективы, технологии: материалы VIII Международной научно-практической конференции.* – Орёл: ОГУ им. И.С. Тургенева, 2021. – С. 208-212. – EDN ZKHSDP.
16. Виноградова, К. С. Гендерная неконформность как проблема ментализации / К. С. Виноградова // *Медицинский вестник Юга России.* – 2022. – Т. 13, № 3. – С. 7-12. – DOI 10.21886/2219-8075-2022-13-3-7-12. – EDN GTPPGY.
17. Тучина, О. Р. Проблема гендерной вариативности: субъектно-бытийный подход / О. Р. Тучина, К. С. Виноградова // *Актуальные проблемы развития личности в условиях современных реалий: Сборник материалов III Международной научно-практической конференции, Ереван, 08-09 апреля 2022 года.* – Ереван: Российско-Армянский (Славянский) университет, 2022. – С. 677-682. – EDN CNKLZI.
18. Шевченко, Ю. С. Эволюционный патоморфоз психического онтогенеза. Часть I (Эссе) / Ю. С. Шевченко, А. В. Горюнова, С. В. Бугрий // *Вопросы психического здоровья детей и подростков.* – 2018. – Т. 18, № 4. – С. 110-131.
19. Шевченко, Ю. С. Эволюционный патоморфоз психического онтогенеза. Часть II (Эссе) / Ю. С. Шевченко,

- А. В. Горюнова, С. В. Бугрий // Вопросы психического здоровья детей и подростков. – 2019. – Т. 19, № 1. – С. 101-124.
20. Annelou L. C. de Vries, Ilse L. J. Noens, Peggy T. Cohen-Kettenis, Ina A. van Berckelaer-Onnes, Theo A. Doreleijers Autism spectrum disorders in gender dysphoric children and adolescents. 2010 J Autism DevDisord. 2010 Aug; 40(8): 930-6. doi: 10.1007/s10803-010-0935-9.
 21. Murphy, Jennifer & Prentice, Freya & Walsh, Reubs & Catmur, Caroline & Bird, Geoffrey. (2019). Autism and Transgender identity: implications for depression and anxiety. Research in Autism Spectrum Disorders. 69. DOI: 10.1016/j.rasd.2019.101466. https://www.researchgate.net/publication/336150575_Autism_and_Transgender_identity_implications_for_depression_and_anxiety
 22. МКБ-11(icd.who.int. Archived from the original on September 4, 2018. Retrieved July 20, 2018), режим доступа: «ICD-11 Reference Guide».
 23. O'Keefe J., Dostrovsky J. The hippocampus as a spatial map. Preliminary evidence from unit activity in the freely-moving rat // Brain Res. 1971. Vol. 34, no. 1. P. 171-175. DOI: 10.1016/0006-8993(71)90358-1.
 24. Moser E.I., Kropff E., Moser M.B. Place cells, grid cells, and the brain's spatial representation system. Ann. Rev. Neurosci. 2008. V. 31. P. 69-89.
 25. Меньшикова Г.Я., Савельева, О.А., Ковязина М.С. Оценка успешности воспроизведения эгоцентрических и аллоцентрических пространственных репрезентаций при использовании систем виртуальной реальности // Национальный психологический журнал. 2018. №2 (30).
 26. Формирование эгоцентрических и аллоцентрических пространственных репрезентаций в рабочей памяти / Г. Я. Меньшикова, О. А. Савельева, Б. Б. Величковский, Г. С. Бугрий // Вопросы психологии. – 2020. – № 6. – С. 131-140. – EDN EKVBRU.
 27. Igloi K., Zaoui M., Berthoz A., Rondi-Reig L. Sequential egocentric strategy is acquired as early as allocentric strategy: Parallel acquisition of these two navigation strategies // Hippocampus. 2009. Vol. 19. P. 1199.
 28. Боголепова, И. Н. Гендерные особенности строения гиппокампа мозга мужчин и женщин / И. Н. Боголепова, С. Н. Иллариошкин, А. В. Свешников, А. О. Ловчицкая // Журнал анатомии и гистопатологии, Воронеж, 2016. – С. 15 – 19.
 29. Dabaghian Yu., Cohn A.G., Frank L. Topological coding in hippocampus. 2007. https://www.academia.edu/76952970/Topological_coding_in_hippocampus.
 30. Когнитивная нейродинамика двух стратегий навигационного поведения организмов / В. Д. Цукерман, З. С. Еременко, О. В. Каримова [и др.] // Известия высших учебных заведений. Прикладная нелинейная динамика. – 2011. – Т. 19, № 6. – С. 96-108. – DOI 10.18500/0869-6632-2011-19-6-96-108. – EDN OPQFZJ.
 31. Цукерман, В. Д. Нейродинамические основы имитационного обучения и эпизодической памяти / В. Д. Цукерман // Биофизика. – 2016. – Т. 61, № 2. – С. 374-385. – EDN VXERYP.
 32. Цукерман, В. Д. Нейродинамическая модель творческого познания реляционных сетей с четным циклическим торможением / В. Д. Цукерман // Известия высших учебных заведений. Прикладная нелинейная динамика. – 2022. – Т. 30, № 3. – С. 331-357. – DOI 10.18500/0869-6632-2022-30-3-331-357. – EDN FOMVIE.
 33. Бернштейн, Н.А. О построении движений / Н.А. Бернштейн // Акад. мед.наук СССР. – [Москва]: Медгиз, 1947 (6-я тип.треста «Полиграфкнига»). – 255 с.
 34. Величковский, Б.М. Функциональная структура познавательных процессов: Дисс. ... докт. психол. наук. М., МГУ, 1986.
 35. Величковский, Б.М. Перспективные направления когнитивных исследований «Психологическая газета», режим доступа: <https://psy.su/feed/9726/>
 36. Две системы зрения и их движения глаз: эксперимент с фиксациями как событиями и сверхбыстрой фМРТ примиряет соперничающие взгляды / Б.М. Величковский, А.Н. Коростелева, S. Pannasch, J.R. Helmert, В.А. Орлов, М.Г. Шараев, Б.Б. Величковский, В.Л. Ушаков // СТМ, 2019, том 11, номер 4. DOI: 10.17691/stm2019.11.4.01 <http://www.stm-journal.ru/ru/numbers/2019/4/1577/html>
 37. Пиаже, Ж. Речь и мышление ребенка / Ж. Пиаже; Жан Пиаже. – Москва: РИМИС, 2008. – ISBN 978-5-9650-0045-6.
 38. Выготский, Л. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. / Л. С. Выготский. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Левъ», 2015.
 39. Савчина, Е. И. К вопросу о функциональной значимости эгоцентрической речи в порождении языка детьми / Е. И. Савчина // Язык текущего момента: Материалы III международной студенческой научно-практической конференции. – Москва: ООО «Книгодел», 2020. – С. 243 – 245. – EDN ASREUI.
 40. Папков, В.Е. Эгоцентрическая речь в контексте картезианской лингвистики / В.Е. Папков // Личностные и ситуационные детерминанты поведения и деятельности человека: материалы Международной научно-практической конференции, Донецк, 11 декабря 2020 года. – Донецк: ДНУ, 2020. – С. 124 – 129.
 41. Папков, В. Е. Эгоцентрическая речь в контексте расстройств аутистического спектра / В.Е. Папков // Личностные и ситуационные детерминанты поведения и деятельности человека: Мат. Межд. научно-практ. конф. – Донецк: ДНУ, 2022. – С. 283-289. – EDN BVOATV.